Москва

11
2018

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:
Союз писателей России
Российский Фонд Мира
Трудовой коллектив
журнала «Москва»

16+

11
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владислав АРТЁМОВ. **Император.** *Роман* 3
Вячеслав КИКТЕНКО. **Дикий мед.** *Стихи* 101
Школа молодых писателей в станице Вёшенской:
Евгения БАРАНОВА, Тихон СИНИЦЫН, Индира ЗАХАРЯЕВА, Ксения БОРИСОВА, Анна ФИРСОВА, Тимур САЗОНОВ 105
Алексей ШОРОХОВ. **Костер в полях.** *Стихи* 120
Михаил ЛАЙКОВ. **Дом на песке.** *Мистерия в шести действиях* 125
В поисках одиночества и свободы. *Воспоминания о Михаиле ЛАЙКОВЕ* 165

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил СМОЛИН. **Накануне** 185
Евгений ИВАНОВ. **Русский август** 194
Виталий ДАРЕНСКИЙ. **Русь — страна, которая всегда рождается заново** 199

КУЛЬТУРА

Надежда ПОДУНОВА. **Иван Билибин. К истокам** 202

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Рецензии на книги: Лев АНИСОВ. **Русские художники: Непрочитанные страницы.** — Эгинальд ШЛАТТНЕР. **Красные перчатки** 214

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **Самая легкая крыша Москвы: ГУМ на Красной площади** 221

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Архимандрит ЛАЗАРЬ (АБАШИДЗЕ; †2018). **Меч обоюдоострый** 228
Сергей СМИРНОВ. **Мы такой народ, который всю жизнь летает в кандалах** 236

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10
Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64
Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01
Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84
Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10
Корректор О.И. ИВАНОВА
Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ, П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ, М.Б. СМОЛИН (председатель), митрополит ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует либретто и сценарии.

Подписано в печать 11.10.18. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ 4716-2018.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 – каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** – «Пресса России», **45211** – каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 11, 2018

ВЛАДИСЛАВ АРТЁМОВ

ИМПЕРАТОР

Владислав Владимирович Артёмов родился в 1954 году в селе Лысуха Минской области. Учился в Белорусском государственном университете на факультете журналистики, затем в Литературном институте имени А.М. Горького.

Работал редактором в журналах «Литературная учеба», «Москва».

Автор трех поэтических книг и нескольких книг прозы. Стихи и повести печатались в журналах «Юность», «Наш современник», «Москва» и др.

Главный редактор журнала «Москва».

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

РОМАН

...Народ может и должен соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии...

Свт. Игнатий Брянчанинов

Часть первая
ГОЛОСА ЛОГОСА

Глава 1
Пригласительный билет

1

Долг Бубенцовых к Новому году перевалил за полмиллиона. Так подло и хитро было устроено, что проценты рождались сами из себя, множились, прибавлялись к долгу, и на этот непрерывно распухающий от процентов долг набегали новые сложные проценты, от которых долг распухал ещё безнадёжнее. Вырваться из круга не было никакой возможности.

Голоса, которые теперь донимали супругов, несомненно, знали про это. Но обсуждать доводы и резоны, вникать в обстоятельства не желали. Наглые и беспощадные, с каждым звонком голоса становились злее, настырнее. В последнее время стали являться уже и по ночам, пакостить в подъезде. Писали ругательства на стенах, оставляли у двери похоронные венки.

В жизнь семьи ворвалась иная реальность. Неожиданно выяснилось, что тёмная вселенная существует не где-то там, в безопасном далеке, а совсем рядом, за дверью, по соседству. Приоткрылось пространство иного мира, населённого существами невидимыми и немилосердными. Нельзя было отказать паскудникам в своеобразном мрачном остроумии. Однажды утром у дверей появилась кукла, у которой из проколотого глаза торчал гвоздь.

— Чтоб ты сдох, паскуда! — сказал Бубенцов, вертя в руках искалеченную куклу.

Детей пришлось отправить к тётке в Калугу.

Ерофей Бубенцов, а попросту Ерошка, весёлый и неунывающий гуляка, не находил себе места. Подвижный, взъерошенный сновал по квартире, начинал что-то напевать, замолкал, прислушивался. Хватал себя за волосы всеми десятью пальцами, пытаясь пригладить вихры. Спокойная, рассудительная Вера в эти дни тоже замолчала, притихла, поглядывала на мужа с тревогой. Обладая светлым, ровным характером, она обыкновенно вносила мир в мятежную душу Ерофея. Теперь всё чаще нахмуривалась, закусывала губы, темнела лицом. Ерошка ловил озабоченные взгляды жены, приосанивался, силился выглядеть спокойным. Но долго не выдерживал, снова вскакивал, бродил по квартире, ломая руки, нервно трещал пальцами. Вздрагивал на всякий стук, на лай собак во дворе, прислушивался к шуму подъезжающих к подъезду машин. Лишний раз старался из квартиры не выходить. Направляясь в булочную, обязательно глядел вверх. И отступал от стены, держался ближе к середине тротуара. Опасения, конечно, совершенно излишние. Никому не выгодна смерть должника, пока долг не отдан. По мере возрастания долга в прямой пропорции возрастала и ценность его жизни.

Неудивительно, что у Ерошки в эти дни чрезвычайно обострился мечтательный дар. Все его помыслы вились вокруг денег. То есть вокруг того, чего у него никогда и не было. Вокруг пустоты. Но это была пустота, обладающая чудовищной силой гравитации. Сгусток пустоты. Вроде чёрной дыры, которая втягивает в свою орбиту всё, что пролетает мимо, искривляя даже и луч света. Точно так же мысли Бубенцова, куда бы они ни направлялись, в конце концов попадали в чёрную дыру. Бубенцов провожал взглядом инкассаторский броневик. Косился на коробки из-под телевизоров, сложенные у магазина. Прикидывал, сколько уместилось бы там денег. Даже полосатая сума ковыляющего бомжа казалась ему набитой банкнотами.

Избавление пришло, откуда никто не ждал. Недаром говорят, что добрых людей больше, чем злых. Нашлись добрые люди! Проведали про беду, приняли близко к сердцу. Рассмотрев ситуацию с разных сторон, предложили простой, разумный выход. Ерошка ещё и сам не вполне верил в своё счастье. Все проблемы семьи, кажется, решались одним росчерком пера. Всё оказалось ясным, как таблица умножения. Нужно было только подписать кое-какие документы. Но рассказывать Вере обо всех тонкостях и выгодах предстоящей сделки он медлил. Боялся сглазить.

Тем более что накануне появился в их жизни тот самый Пригласительный билет.

2

Пригласительный билет был доставлен рано утром специальным курьером. Никто не запомнил ни лица этого курьера, ни его национальности, ни даже возраста. Вера уверяла, что курьером была рыжая баба с косою, в зелёном сарафане. Бубенцов с женою не спорил, хотя твёрдо помнил бакенбарды и оранжевую безрукавку, а значит, это был дворник Абдуллох. Ничего удивительного. Это объяснимо даже и с точки зрения естественных законов оптики. Если поглядеть на оранжевый цвет, а затем закрыть глаза, то оранжевый цвет за закрытыми веками превращается в

зелёный. Кроме того, все знают, что между мужем и женой часто возникают разногласия. Одни и те же вещи они видят по-своему, иногда с противоположных сторон. Это не значит, что кто-то из двоих обманывается. Обманываются, разумеется, оба. Однако именно такой двойственный взгляд на события, несмотря на противоречия, придаёт прошедшему объём и живую достоверность.

Пригласительный билет прекрасно сохранился. Каким-то необъяснимым чудом уцелел он после череды трагических и страшных событий. Вероятно, это произошло в соответствии с законом сохранения всякого ненужного сора. Любой из людей, выдвинув ящик стола, или сунув руку в старую шкатулку, или даже просто обернувшись, много подобного хлама увидит вокруг себя. Как будто некий бережливый демон сохраняет неведомо для каких целей все эти бумажки, пуговицы, сломанные часы, фантики, значки, открытки, квитанции, черновики стихотворений и прочий никчёмный прах.

Билет тёмно-серый, с золотым тиснением. Бархатистый на ощупь, как будто обросший нежным мхом. Золотое тиснение уже немного потускнело, осыпалось, подобно тому как стираются и зарастают буквы на старом надгробии. Но можно хоть сейчас прочесть затейливую вязь:

«Уважаемый Ерофей Тимофеевич Бубенцов!

Глава администрации Ордынского района Ордынцев Семён Семёнович имеет честь пригласить Вас на Новогодний вечер по случаю инаугурации и награждения “Медалью ордена за заслуги перед Отечеством второй степени (без мечей)”. Смотрины состоятся первого января в Колонном зале Дома Союзов. Начало в 17 часов. В конце вечера торжественный банкет».

Имеет честь! Сам собою напрашивался вывод о том, что предстоящее мероприятие задумывалось как дело серьёзное, ответственное. Следовало отнестись к нему с такой же точно ответной серьёзностью. И всё же, всё же... Ерошку Бубенцова сразу насторожило то, что... Нет-нет, вовсе не слово «смотрины», хотя... Да уж, к чему скрывать — насторожил сам невероятный факт этого приглашения.

На такие мероприятия, а уж тем более на торжественные банкеты в Дома Союзов, приглашаются солидные, хорошо одетые господа или же люди из близкого круга. Ни к какому кругу Бубенцов не принадлежал. Он едва помнил Ордынцева по школе, причём в воспоминании ничего отрадного не было. Вот он пинает под зад жирного Сёму и тот скатывается по широкой парадной лестнице. А уже в самом низу ступенек Поросюк и Бермудес, хохоча, подхватывают Ордынцева и тоже, каждый со своей стороны, отвешивают ему по пендалю. Все последующие годы таился юбиляр под спудом, не подавал никаких знаков. Правда, лет десять назад появился Ордынцев на встрече выпускников, но там рассадили их в разные углы.

Конечно же Бубенцов не мог быть официально приглашён ни по каким причинам. Это было абсурдно. Ордынцев прекрасно знал характер Бубенцова. Характер живой, опасный, беспокойный. Где бы ни появился Ерошка Бубенцов, в том месте очень скоро начинала сама собою образовываться и витать скандальная тревога. Все невольно настораживались, прислушивались, озирались, чего-то ожидая.

Бубенцова, даже если бы его и впустили по ошибке на официальный банкет, следовало незамедлительно, ещё до начала торжеств, вежливо, но решительно вывести из зала. Если в обычное время с ним ещё можно было кое-как сладить, то после нескольких выпитых рюмок Ерош-

ка преображался. Его, по народному выражению, «чёрт нёс по кочкам». Таких людей сколько угодно вокруг нас. Они есть в любом коллективе. Именно они затевают безобразные скандалы, режут правду-матку прямо в глаза начальству на корпоративных вечеринках. И всё это якобы «во имя правды и справедливости»! Бьют дорогую посуду, прут на рожон, затевают драки на свадьбах. Приличные люди стараются держаться от них поодаль. Потому что с ними обязательно влипнешь в историю. Каждый, кому довелось бывать свидетелем их безобразных скандалов, делает логичный, приятный для себя вывод: «Как хорошо, что я не таков, как этот негодяй!..»

Одним словом, не могли! Никак не могли разумные организаторы пригласить на торжественный банкет столь непутёвого человека! Горячего, импульсивного, неуравновешенного. И всё-таки вот же он — Пригласительный билет.

Вера бегло ознакомилась с текстом, пожала плечами и, ничего не сказав, ушла досыпать. Её трудно было чем-то удивить, работала она медсестрою в психиатрическом отделении Лефортовской больницы. Повседневный опыт научил её здраво относиться ко всякому неожиданному обстоятельству. Ерошка же долго ещё стоял в прихожей, вертя в руках проклятый билет. Всё-таки следовало удостовериться. Нужно было звонить другу, Игорю Борисовичу Бермудесу, человеку бывалому, опытному. Артисту того же театра, где служил пожарным и Бубенцов.

Надо заметить, что хотя все окружающие считали Бермудеса «бывалым и опытным», советы тот чаще всего давал самые бестолковые, а порой даже глупые и вредные. Но обаяние, импозантность, уверенность тона, басовитый голос заставляли прислушиваться к его мнениям.

Бермудес раннему звонку ничуть не удивился. Тотчас вспомнил, что — да, ведь и ему же кто-то утром доставил пакет. Назвав себя головой садовой, прибавив ещё пару-тройку добродушных ругательств, Игорь Борисович попросил немного погодить. Бубенцов терпеливо ожидал, не отнимая трубку от уха. Вслушивался в невидимый ему далёкий мир. Вот затихли удаляющиеся шаги Бермудеса, а затем кто-то явственно задышал в самое его ухо. Даже вроде подхихикнул, сдерживаясь. Скоро, однако, Бермудес объявился снова и после короткой посторонней возни, сопения, отрывистых вздохов подтвердил, что у него на подзеркальнике лежит точно такой же Пригласительный билет.

— Имя твоё как набрано? — спросил Бубенцов. — Шрифт типографский?

Бермудес опять положил трубку, отправился на поиски очков. И снова почудилось Бубенцову чьё-то издевательское дыхание. Снова как будто послышались смешок, сопение, возня. А потом Бермудес вернулся и подтвердил, что да, и у него имя-отчество и фамилия написаны не секретаршей, а набраны типографским способом. Денег, стало быть, на мероприятие не пожалели.

— Орден получил, гадёныш, — не удержался Бубенцов. — Что бы это значило — «без мечей»?

— Это значит, милочка, по случаю дали. Не за заслуги, а по общему списку. Кто ж там вчитывался, наверху-то? Подмахнули кипой. Да ты не вникай. Нам ведь главное банкет, а не торжественная часть.

Бермудес был большой обжора и пьяница. В трубку между тем залетали отрывистые посторонние голоса, в том числе и женские. Бубенцов наконец догадался, что там пьют.

— Второй степени, заметь, — вставил он. — Не первой.

— Хех! Кто ж ему первую-то даст? Марго, отвяжись!.. Это не тебе, Бубен. Извини.

— Значит, и у тебя типографский набор? Ты послюни, потри.

— Ну, потёр. Марго!.. Несомненно, мамочка. Литеры типографские.

— Странно всё это, — сказал Бубенцов. — Зачем мы ему вдруг понадобились? Последний раз виделись на встрече выпускников. Я тогда ещё червонец у него взял. Лет уж десять прошло.

— Массовка, — тотчас объяснил Бермудес. — А с другой стороны, для контраста: вот, мол, друзья детства, а вот я, сравните, мол.

— Понятно. Для контраста. Я тоже сразу так подумал, — соврал Бубенцов.

— Ты ему ещё морду рвался набить, — напомнил Бермудес. — После того как червонец занял. Карман на рубашке оторвал. Если б не я...

Это ненужное напоминание было неприятно.

— Поросюк у тебя? По логике вещей и у него должен быть билет. Он с Ордой за одной партой сидел. Спроси у него.

— Тарас в порядке. Уже раздели и уложили на диван.

Ерошка прошёл в спальню, поместил Пригласительный билет в стеклянную салатницу рядом с телевизором. Туда складывалось всё важное: документы, квитанции о штрафах, неоплаченные счета, обручальное колечко Веры, золотые запонки самого Ерошки Бубенцова, доставшиеся ему ещё от покойного отчима, приготовленные к залогу в ломбард, ну и деньги. Если они, конечно, откуда-нибудь появлялись, эти деньги.

3

Жизнь Бубенцовых в последующие дни как будто не изменилась. По крайней мере, вплоть до пятницы никаких заметных перемен не произошло. Тем не менее оба чувствовали — что-то в их жизни было не так! Вернее, что-то стало не так, как было. Что-то нарушилось в привычном укладе, но нельзя было понять что. И оба не догадывались, с чем связать свою тревогу. Бродя по квартире, бессознательно тулились друг к дружке, старались коснуться плечом, задеть ладонью, пожать пальцы. Бубенцов напевал, хмурился, бил кулаком в открытую ладонь, часто выглядывал в окно. Неясная опасность сгущалась, подступала со всех сторон. Как будто в обычный их мир вселилось нечто постороннее. Реальность смешалась с неизвестным.

Вечером Ерошка, собираясь на ту самую деловую встречу, полез в салатницу за паспортом. В очередной раз попался ему под руку Пригласительный билет. Потёр золотые буквы.

— Я поняла!

Бубенцов вздрогнул, хотя слова произнесены были самым обычным тоном.

— Ну? — спросил Ерошка, оглядываясь.

— Они не звонят! — сказала Вера и опустилась на стул. — Как только принесли Пригласительный билет, чёртовы коллекторы замолчали.

Это было правдой.

— Пусть тебя это не пугает. — Бубенцов склонился, приобнял жену за плечи. — Сегодня всё решится. Деньги будут, Вера!

Нельзя было не верить ему при таком открытом, честном лице и ясных глазах. Но Вера слишком хорошо знала своего мужа. Бубенцов обошёл стул, уткнулся носом в её макушку, в густые русые волосы. Глубоко-глубоко вдохнул. Давным-давно, когда они в первый раз по-

целовались, была гроза. С тех пор ему казалось, что волосы Веры пахнут дождём.

— Где встреча? — спросила Вера.

— В «Кабачке на Таганке».

Глава 2
Подлинное происшествие в «Кабачке на Таганке»

1

Излагая события так, как впоследствии толковал их сам Бубенцов, мы обнаруживаем множество нестыковок и несуразиц. И всё-таки приходится довольствоваться именно этой версией произошедшего, поскольку иных источников нет. Конечно, в глазах каждого человека мир отражается по-своему. Никто из людей, оглядываясь в прошлое, не может точно и правильно определить причину произошедших событий. И вовсе не потому только, что у каждого свой, особый взгляд на мир. Беда в том, что всякое событие, когда оно произошло, неизбежно искажает причину, его породившую. Так камень, упавший в гладь пруда, безнадёжно коверкает отражение берега, неба, но самое главное — до неузнаваемости уродует фигуру того, кто бросил камень.

Около шести часов вечера в недорогом шумном ресторане, известном под именем «Кабачок на Таганке», неожиданно вспыхнул спор о влиянии богатства на характер и душу человека.

Спорили три старых товарища — Ерофей Бубенцов, Игорь Бермудес и ещё один их собутыльник, по фамилии Тарас Поросюк. Все трое служили через дорогу, в театре. Это были люди обыкновенные, ничем не выдающиеся, не облечённые никакой властью. И уж конечно ни один из них не скопил за всю свою жизнь сколько-нибудь значимого капитала. Более того, ни у кого из них не было даже хотя бы смутной, туманной, отдалённой надежды разбогатеть. Мечты были, а надежды не было. И вот эти люди, у которых в лучшие-то их дни едва доставало средств расплатиться с официантами, ни с того ни с сего затеяли спор о богатстве, о его влиянии на душу и личность человека.

Поначалу ничего не предвещало, что тема богатства вообще будет затронута. Мелькнуло слово о деньгах, но вскользь и походя. Это произошло ещё в самом начале, когда Ерошка Бубенцов и Тарас Поросюк охорашивались у большого зеркала в фойе.

— Тарас, раз уж такое дело, — как можно небрежнее сказал Бубенцов. — Пару тысячонок не подзаймёшь?

Упитанное лицо Поросюка в зеркале опечалилось, как будто Бубенцов сказал бестактность.

— До пятого, — принялся оправдываться Ерошка, и голос его немного дрогнул. — С мая за квартиру не плочено.

— Отчего ж до пятого? — сказал Тарас Поросюк. — Да хотя бы, будем говорить, и до десятого! Только ты сперва прежний должок верни. У Бермудеса вон попроси.

— Дрянь же ты, порося! — сказал Бубенцов.

Поросюк засопел, поджал губы и отошёл от зеркала.

У Игоря Бермудеса никто конечно же ни о каких деньгах спрашивать не стал. Шумный, рокочущий Бермудес умел только делать вид обеспе-

ченного человека. Тем более что Бермудес, по своему обыкновению, пришёл не один. Тёрся рядом с ним, выглядывал из-за спины хмырь с обветренным, волчьим лицом и в сером макинтоше. Ерошка привычно обратил внимание на большую полосатую суму, в каких бомжи носят постель и прочий необходимый скарб. Ошмыга сутулился, опираясь на палку, и, кажется, очень стеснялся своего присутствия здесь, в чистом, культурном месте. Перетаптывался в сырых, разбитых башмаках, оставляя грязные разводы на светлом мраморе вестибюля.

Метрдотель Семён Михайлович Шпак стоял всё это время в отдалении и, нахмурив седые брови, с большим неодобрением следил за голодной компанией.

Подозрения Бубенцова относительно незнакомца скоро подтвердились. Тот как присел с краешка стола, так и ютился там всё время. Сидел смирно, ни на что не претендуя, никого не беспокоя. Лицо длинное, губастое, несколько вытянутое вперёд, со сбитым набок носом.

Сразу же извлёк из кармана газету с рекламой, читал различные объявления. Чуть пошевеливались его синеватые, как будто замёрзшие, толстые губы. Деликатно отворачивался, отодвигался в тень, пока официант принимал заказ. Иногда доставал большой, в красную клетку платок, сдержанно сморкался, промакивал слезящиеся веки. Словом, производил впечатление очень несчастливого человека.

Даже когда принесли наконец-то графинчик с водкой, он не реагировал никак. Кушал бутербродик со шпротой. Прикрывался при этом ладошкой, как будто стесняясь своих больших, выставленных вперёд зубов. По-прежнему скромно клонил лоб над газетой. Впрочем, кажется, он и не читал её вовсе, тем более что газета лежала перед ним вверх ногами. Ерошке же Бубенцову, который сидел напротив, прямо в глаза бил заголовок, набранный чёрным, жгучим кеглем: «Ограбление инкассаторов в Сокольниках». Чуть ниже было припечатано пояснение: «Преступность не имеет национальности». Это означало, что грабителями были, скорее всего, уроженцы Кавказа.

Поначалу присутствие этого непьющего, поминутно шмыгающего носом алкоголика немного стесняло Бубенцова. Но произнесены были первые тосты, и чувства его успокоились. Раздражение окончательно рассосалось, когда полностью выпит был начальный графин. Дородный, представительный Игорь Борисович Бермудес привстал и, озирая светлое пространство зала, выискивал официанта. Ерошка же Бубенцов поднёс к лицу опустевший графинчик и, поглядев сквозь сияющие грани на окружающий мир, воскликнул восторженно:

— Чего ещё можно желать от этой жизни? Чего?

В этот миг был он похож на блаженного дурачка из волшебной русской сказки.

— Это да! — охотно поддержал Тарас Поросюк, но прибавил: — Ещё бы денег немного, и вот тогда уж, будем говорить, ничего больше не надо.

Полное лицо его после выпитого нежно розовело.

— Денег? — Ерошка повернулся, поглядел сквозь графин на Поросюка. — Тебе бы только «денег немного»?

— А тебе нет? — вскинулся Поросюк, чутко уловив интонацию. — Кого с квартиры гонят за долги? Га?

— Всех сгонят, — сказал Ерошка с каким-то злорадным удовольствием. — Но раз уж ты заговорил о деньгах, тогда ответь мне на один вопрос. Вопрос, заранее предупреждаю, философский.

С этими словами Бубенцов со стуком установил хрустальный графинчик на середину стола. Если бы собеседники были повнимательнее, они бы заметили, как глаза незнакомца тускло сверкнули из-за газетного листа, но сразу же погасли. Но и Поросюк, и Бермудес в тот момент глядели на графин, а затем подняли глаза на Ерофея. По тому, как на лицах обоих показалась снисходительная усмешка, ясно было, что оба относятся к приятелю покровительственно и немного свысока.

— Итак, предположим, вот я, Ерофей Тимофеевич Бубенцов, — представился Ерошка, указывая вилкой на пустой графин. — А что бы вы сказали, если бы я вдруг разбогател? Вот, к примеру, на меня свалилось богатство. Переменюсь ли я? Изменится ли характер? Моя душа! Станет ли иной моя самость? Вот в чём вопрос!

— Всё переменится! — ни на секунду не задумавшись, сказал Бермудес. — В том числе, милочка, и строй твоих мыслей. То есть твоя натура.

Словно в подтверждение этих слов, рука официанта, высунувшись из-за спин, ловко убрала пустой графин, а на освободившееся место поставила полный.

— Деньги не делают человека ни хуже, ни лучше, — возразил Бубенцов. — Они проявляют, что есть в человеке. Был бедным, стал богатым. Дальше что? Характер-то у меня прежний останется.

— И характер переменится. Причём в худшую сторону, — заверил Тарас Поросюк. — Ты и так-то вздорный, а дай тебе миллион... Недавно передача была. Какой-то дед помер в Баварии и оставил племяннику, будем говорить, миллиард евро. Племянник от неожиданности в дурдом попал!

— Будем реалистами. — Бермудес потянулся за газетой, что давно уже раздражала его внимание. — Дай-ка сюда, милочка.

Незнакомец как будто давно ожидал этого, тотчас двинул газету через стол. Глаза его сверкнули по-волчьи исподлобья.

— Вот, не угодно ли, — даже не взглянув на него, продолжил Бермудес, стукнул указательным пальцем по газетному заголовку. — Инкассаторов в Сокольниках. Вчера. По всем каналам трубили. Отсюда надо плясать.

— Эти не поделятся, — сказал Поросюк. — Пляши не пляши.

— Да неважно, в конце концов, откуда взялись деньги! — Бубенцов отпихнул газету. — Душа от них не переменится. И богатство прискучит.

Не то чтобы Ерошка был так уж убеждён в том, что богатство может как-нибудь «прискучить», но ему в данный миг нравился образ мудрого нестяжателя.

— Деньги правят миром, — сказал Поросюк и положил мягкую ладошку на плечо Бубенцова. — Подумай, прежде чем отказываться.

— А смысл? Внутренне я тот же, — возразил Ерошка. — Я весело привык жить. Что с деньгами, что без.

— Скажут, дурак же ваш Бубенцов! Отрёкся от денег! Нищим был и умрёт под забором.

— Я подмечаю, что кое-кто здесь готов душу заложить за деньги! Другу копейку пожалеет. Взаймы. А вот продать душу дьяволу — пожалуйста, и с большим даже удовольствием!

Дискуссия принимала опасное направление. Игорь Борисович Бермудес перестал жевать, а только переводил взгляд с одного на другого, готовый в любой момент встать между соперниками.

— Но вот, допустим, подписал ты контракт с дьяволом, — продолжал Ерошка. — Получил миллионы! Купил дворец с фонтаном, красивых баб, хлебную должность, власть... Ничего более оригинального и свежего ты придумать не сможешь. С твоими-то мозгами! Дальше что?

— Уж мы знаем что, — усмехнулся Тарас. — А вот тебе с твоими мозгами дурдома не миновать!

— Да хоть так! Самость внутри меня не изменится. Я и в дурдоме останусь самим собой. В отличие от кое-кого. Продажная душа!

— Вот ты как заговорил? А на коньяк? — Тарас озлобился. — Самость какую-то выдумал. Не изменится он! Спорим?

— Дай руку!

Поросюк взвился, выбросил ладошку свою навстречу руке Бубенцова. Встрепенулся и Бермудес, привстал как будто бы в стременах. И вознёс десницу свою над спорящими, точно Юрий Долгорукий на площади у Моссовета.

— Вали! — приказал Бубенцов.

Вот тут-то и вылез на авансцену тихий незнакомец.

— Позвольте, — негромко, но властно сказал он, вставая с места. — Я сам разобью.

И Ерофей Бубенцов, и Тарас Поросюк, и даже флегматичный Игорь Борисович Бермудес удивлённо повернули к нему свои лбы. Этот неприметный, молчаливый тип почти целый час находился рядом с ними, но никто до сей поры его как будто толком и не замечал. Как будто бы он был не человек вовсе, а, к примеру, чей-либо пиджак или плащ, накинутый на спинку стула. Или казённый фикус в кадке, который иногда для домашнего уюта ставят в ресторанах подле стола. И только лишь теперь, когда этот фикус неожиданно подал голос, друзья наконец-то обратили на него внимание. До сих пор он находился как будто на втором плане, на обочине бытия, не в фокусе зрения. Тем более что странный этот тип вёл себя крайне деликатно, можно сказать, благочестиво. Водку не пил, хотя и не пропустил ни одного тоста. Исправно подливал в свою рюмку минеральную воду нарзан, церемонно чокался. Извивался, шмыгал простуженным носом. Ни Бермудес, ни Бубенцов, ни даже Тарас Поросюк с расспросами к нему в душу не лезли. Видно было без всяких расспросов, что человек бывалый, всякого в этой жизни натерпелся. А отчего в данную минуту не пьёт, так тому может быть множество уважительных причин. Если человек «в завязке», значит, есть для того веские основания.

— У меня имеется некоторый положительный опыт в делах подобного рода, — старомодным слогом пояснил незнакомец, уставясь своими тёмными неподвижными зрачками в глаза Бубенцову. — Итак, вы стоите на том, что никакие богатства не смогут сломить ваш характер. Не в силах исковеркать вашу душу. Правильно ли я понял ваш постулат, многоуважаемый Ерофей Тимофеевич? Так ли это?

— Вали! — повторил Бубенцов угрюмо.

Незнакомец усмехнулся и, склонив плешивую, поросшую редкой шерстью голову, разбил руки. Ладонь его была холодной, почти ледяной.

— А теперь, господа, — учтиво продолжил незнакомец, обращаясь к Бермудесу и Поросюку, — мне бы хотелось кое о чём переговорить с уважаемым Ерофеем Тимофеевичем приватно. Буквально два слова. Будьте любезны!

И вот что поразительно! Бермудес с Поросюком послушно поднялись и, словно загипнотизированные, пошли к выходу. Едва приятели скрылись за дверью, Бубенцов перевёл взгляд на незнакомца. Незнакомец как будто ожидал этого момента, тяжёлые глаза его тускло озарились.

— Одну секунду, уважаемый, — сказал он фамильярно, но вместе с тем многозначительно. — Одну краткую секунду.

Немного отодвинувшись, низко нагнулся, завозился со своей брезентовой сумой. Та застряла между ножками стула, никак не хотела вытаскиваться. Наконец, сопя и пыхтя, незнакомец высвободил её. С трудом поднял, угнездил на коленях. В суме находился какой-то беспокойный живой товар, который расползался внутри, перекатывался, разваливался, рыхло свешивался с колен, как будто там была навалена свёкла или что-либо подобное.

— Вот. К нашему разговору о богатстве, — бормотал незнакомец, подбивая коленкой провисающее дно и возясь с молнией. — Хотелось бы, так сказать, из области отвлечённой теории перейти... перейти...

Матово блестел лоб с налипшими потными прядками. Волосы, как сейчас же приметил Ерошка, были серыми, с отливом в рыжину, какие бывают у дьявола. Бубенцов молча, в некотором оцепенении наблюдал за дальнейшими действиями противника. Тот наконец отдёрнул молнию замка, склонился над сумкою, сунул руку вовнутрь. Ерошка конечно же уже обо всём догадался и с полнейшей определённостью знал, что сейчас произойдёт. Но мозг его не хотел верить очевидному!

— Вот. — Дьявол выдернул на свет несколько зелёных...

И тут у Бубенцова почти отлегло от сердца. То зелёное, что извлеклось из чрева сумки, оказалось не банковскими упаковками, а всего лишь свёрнутыми старыми штанами с генеральскими лампасами. Незнакомец с видимой досадой отложил штаны в сторону, снова залез в сумку, выдернул на свет несколько... Да! Несколько новёхоньких пачек! Ровно столько, сколько сумели ухватить его пальцы.

— Не мильярд, конечно, — усмехнулся он. — Но, как говорится, чем богат.

Подержал пачки в воздухе, а затем небрежно зашвырнул обратно, склонился над сумой, застегнул молнию.

— Нате! Берите! — сказал нечестивец, откинулся спиной и резким движением кирзового ботинка пододвинул сумку прямо к коленям окоченевшего Бубенцова.

2

«Ограбление в Сокольниках!» — гремело в голове у Бубенцова. Искал глазами давешнюю газету с заголовком, покосился даже под стол, но газеты нигде уже не было. И показалось вдруг, что внезапно, резко, толчком, как будто ударив в последний миг по тормозам, остановилось время. Инерцией этого толчка Бубенцова сорвало с места, брызнули и засверкали в воздухе осколки лобового стекла, и он полетел в сторону этого проклятого нечёсаного рыжеватого чёрта, воздевая и топыря руки.

Мёртвая оглушительная тишина накатила, навалилась, накрыла всё. Бубенцов судорожно сглатывал, как пассажир самолёта, надеясь прочистить уши от ватной пробки. Тщетно! Он видел, что вокруг кипела дымная и, вероятно, очень шумная, визгливая ресторанная жизнь — гремела посудой, беззвучно кричала, сталкивалась, клокотала, закатывала глаза, волновалась, пропадала, взывала, заламывала руки...

Один только незнакомец сидел как ни в чём не бывало, откинувшись к спинке стула, хитро поглядывал на Ерошку Бубенцова и беззвучно посмеивался, весьма довольный произведённым эффектом.

Глава 3
Тот, кого нет

1

Бубенцов сидел, оцепенев, с приоткрытым ртом, застывшим взором. К его обыденным ощущениям внезапно прибавилось нечто новое. Новизна заключалась в том, что Бубенцов понял: он многое уже знает наперёд. Он узрел то, что произойдёт с ним и с миром в самом ближайшем будущем. Словно упала пелена, очистились мутные бельма, открылись глаза. Было нечто слишком знакомое во всём происходящем, как будто он это уже пережил или прочитал в сокровенной книге. А теперь лишь оглядывается из будущего, с интересом проверяя — точно ли и в том ли порядке, как должно, реальность воспроизводит давно уже состоявшиеся действия.

Беззвучно посмеивался искуситель над его замешательством и мукою. Бубенцову стало очень одиноко и очень страшно. От страха ему стало ещё более одиноко, а одиночество ещё более усугубило страх. Всё происходило именно так и именно в том порядке, как предначертано. Он знал, что произойдёт дальше. Знал во всех мельчайших подробностях и трагических деталях. Однако, при полнейшей определённости этого знания, Бубенцов, если бы его сейчас попросили, не смог бы сказать ничего конкретного. Даже и под пыткой только мычал бы, разводил руками.

Вспышка озарения в один миг высветила подлинную картину мира, открыла настоящую суть вещей. Но обнажившаяся правда нестерпимым своим сиянием ослепила душу. Так бывает, когда человек поглядит на солнце или на что-нибудь ещё более яркое. Человек, надо признать, мало приспособлен для разглядывания истины. Свет её тотчас превращается в тёмный круг мрака! Всё было почти такое же, как прежде, только не было уже в этом мире игры, гармонии, красоты. Игры-то уже не было!

Будто бы много раз видел Бубенцов, как повторялась на репетициях в театре эта сцена, знал её назубок. Но то было понарошку, а теперь вот случилось наяву. Ужас заключался именно в том, что на этот раз не было никакой игры. Всё стало абсолютно реальным. Репетиция превратилась в подлинную жизнь. Всё происходило по-настоящему. Вместо блестящей, остроумной фальсификации на сцену вылез грубый, необработанный, корявый подлинник. Именно в подлинности происходящего заключался главный ужас.

Обнажилась косматая драматургия жизни, не признающая стройной поэтики Аристотеля, разбрасывающая эпилоги и кульминации как попало, не в лад и не в такт. Здесь наказание настигало героев прежде, чем они успевали задумать преступление. Кровавые развязки совершались там, где не было даже и намёка ни на какие завязки.

Всякое искусство и лицедейство окончилось. Как будто, представим себе, актёр Марат Чарыков, играющий Гамлета, сошёл вдруг с ума и в приступе белой горячки стал налево-направо, взад и вперёд протыкать железной шпагой коллег-актёров. Вот заколол одного, другого, третьего — короля, Лаэрта, Полония. По-настоящему. С хрустом входит шпага в живые трепещущие тела. Люди корчатся, вопят, воют, ползая на карачках, схватившись за животы. Артистка Полынская вскрикнула в последний раз и затихла. С обнажённым окровавленным клинком, смутно улыбаясь, облизывая белые губы, Чарыков приблизился наконец к самому режиссёру-постановщику Эдуарду Арсеньевичу Ценципперу. Тот, перебирая и оттал-

киваясь ногами, отъехал со своим креслом к самому краю оркестровой ямы. Опасно колеблясь, кресло зависло над бездной. Зубочистка застряла во рту режиссёра, он весь оцепенел, отвалился к спинке, не в силах пошевелиться, не в силах отвести глаз от кончика клинка. Зрачки забавно сошлись к переносице, лицо бледно, зубы оскалены. Но никто не улыбается. Никому не смешно. Всё замерло вокруг, парализованное ужасом происходящего. Приостановился проходивший мимо пожарный. В подлинность совершающегося ещё никто не может поверить. Разум протестует. Но глаза-то видели, видят. Кровь настоящая. Вон уже затих Полоний, вернее, заслуженный артист Игорь Борисович Бермудес. Отдал душу. Всхрапывает последним всхлипом заколотый безумцем Лаэрт, он же Тарас Поросюк, с которым Марат Чарыков перед репетицией пил пиво в гримёрной.

2

И вот какой любопытный выверт сознания произошёл у Бубенцова. Психологам нелишне взять это на заметку! Случайно оголившаяся перед Ерофеем подлинная суть бытия оказалась так страшна, что ум его в панике выскочил за свои пределы. Инстинкт самосохранения принудил считать всё, что с ним в данную минуту происходит, вымыслом.

Было совершенно очевидно, что он столкнулся с нечистой силой. Слишком многое совпадало! Во-первых, когда смертному человеку является бесплотный дух, человека неизбежно охватывает страх. Кое-какие характерные повадки нечистой силы Ерофей помнил из книг. Читал описания демона-искусителя и в знаменитом весёлом романе Михаила Булгакова, и в скучнейшем сочинении «Доктор Фаустус» Томаса Манна, и в «Звезде Соломона» Куприна, и в «Фаусте» Гёте. Но, читая эти описания, Ерошка всегда знал, что дьявол — не более чем литературный вымысел, на самом деле никакого дьявола не существует. Значит, и теперь всё это не более чем вымысел. Значит, всё происходящее сейчас вокруг него, происходит не в реальности, а понарошку. А он-то перепугался! Принял за подлинник. Ум понемногу и с оглядкою возвращался в свои пределы. Прибирал раскиданное при бегстве, поднимал опрокинутое, расставлял по привычным местам... Не надо паники, всё понарошку!

Успокаивая себя рассуждением, что «всё понарошку», Бубенцов теперь уже с этой безопасной позиции приглядывался к искусителю. Толстые губы, сбитый набок надменный нос, тусклые, наглые глаза, залысины. Если не вглядываться пристально, то можно принять за обычного человека. Но что-то всё-таки было в нём и не вполне человеческое. Что-то выпирало из-под оболочки. Да ещё и запашок этот. Но ведь не чёрт же он, на самом-то деле! А если это не чёрт, то кто же? Сумасшедший, вот кто!

Ерофей догадался вдруг, что кривая усмешечка на лице незнакомца на самом деле никакая не улыбка. Это гримаса безумия. Всё стало стремительно проясняться! И понятна теперь эта смертная тоска в глазах незнакомца! Понятен и объясним стал теперь сумасбродный жест. Сумасшедшие люди поступают соответственно. Слабоумному ничего не стоит пырнуть вилкой официанта или помочиться посреди зала. Это для него норма. Или вывалить вот так на стол миллион, а то и два-три миллиона долларов. Запросто. Так что всё нормально. В той системе координат всё ненормальное — нормально.

3

Мир, пришедший в норму, снова ожил, задвигался вокруг. Время опомнилось, пошагало, а затем и побежало вперёд. Все привычные вещи вернулись. Всё прибежало обратно, расставилось на свои обычные места, рассчиталось на первый-второй. Бубенцов с некоторым облегчением выдохнул и, не сводя настороженных глаз с полоумного незнакомца, стал опускаться на сиденье. Всё в пределах нор...

Но позвольте, позвольте, позвольте, позвольте!.. Позвольте.

Ерофей Бубенцов снова вскочил. Даже если и так, то ведь ничего не объясняется. Пусть этот тип сумасшедший. Главная-то загвоздка остаётся! Снова качнулась, покосилась, опасно стала потрескивать хрупкая конструкция мира. Бубенцов поневоле расставил локти, пытаясь сохранить равновесие. Не расплескать помутившийся рассудок.

Позвольте, откуда?

Позвольте, откуда у нищего алкаша...

Позвольте, да откуда вообще взялась эта набитая валютой сума?!

«Ограбление в Сокольниках»? Нет, не похож он на грабителя! Не может того быть! Но вот же реальность. Вот она, тычется в самые ноги! Всякий подтвердит... Тот, кому доводилось участвовать в теневом обороте наличных капиталов, с готовностью засвидетельствует, что миллион долларов в банковских упаковках новенькими сотенными банкнотами весит примерно десять килограммов и вмещается в кейс типа «дипломат».

В сумке незнакомца, что лежала теперь у ног Бубенцова, без труда поместилось бы содержимое трёх таких дипломатов.

4

Незнакомец сидел, отвалившись к спинке стула, по-наполеоновски сложив на груди руки, и с высокомерной наглостью разглядывал Бубенцова, оттопырив при этом довольно презрительно толстую и мокрую нижнюю губу.

Бубенцов ясно понимал, что только что он был втянут в опаснейшую провокацию. Что провокация всё ещё продолжается, что последствия этой провокации могут быть самые скорые, серьёзные и страшные.

Тут незнакомец, как будто подслушав мысли, подался к нему, быстро, интимно проговорил:

— Да что ж вы всё глядите на меня как на городского сумасшедшего? Поймите же, наконец! Я в полном здравии, в трезвом рассудке и в ясном уме.

В доказательство верности своих слов склонил плешивую голову, нахмурился и постучал пальцем по середине лба. И Бубенцов сразу поверил его словам. Да-да. Чистая правда. Так оно и есть. Всё верно. А стало быть, здесь ничего не произошло понарошку, а всё подлинное. Это не забавная выходка пьяного полудурка, о которой назавтра можно вспомнить с юмором и смехом. История настоящая. А настоящая история всегда серьёзна.

Бубенцов молча потянулся к чарке.

— Я уж тогда тоже. Если позволите. Налью себе, — сломался наконец незнакомец.

Ерофей вежливо и холодно кивнул. Он знавал случаи, когда и после семи лет воздержания алкоголик неожиданно прекращал внутреннюю борьбу и без всяких видимых причин срывался в штопор. Незнакомец налил полный фужер:

— Ну, вздрогнем!

Рука Бубенцова от этих слов и в самом деле дрогнула, он немного расплескал из рюмки.

5

«Хоть бы поскорее уже вернулись Бермудес и Поросюк! Где их носит чёрт? Тс-с... Зачем я чёрта упомянул? Зачем? Нельзя же...»

Ресторанные столики, которые до этих пор жили автономной жизнью в безопасном отдалении, потихоньку стали подвигаться, подкрадываться поближе, окружать, замыкать кольцо, перегораживать пути отхода. Бубенцов быстрыми косыми взглядами пронизывал пространство, склонясь над столом. Хмурил недовольно брови, как будто рассматривая пятнышко на скатерти.

Иллюзии, в которых так покойно и удобно живётся человеку, растаяли в одно мгновение. Уютный зал с накрытым столиком в уголке внезапно перестал быть уютным. Превратился в западню.

«Как только у тебя появились миллионы, ты стал жертвой. Вся нечисть мира будет расставлять на твоём пути сети, капканы, петли. Вся нечисть мира будет забрасывать свои блёсны, караулить миг, когда ты погонишься за наживкой. За двумя блёснами погонишься... На обе и попадёшься. Это не зайцы, нет».

Примерно такой сумбур трепетал теперь в голове Бубенцова. Он не выдержал терзаний.

— Откуда? — прикрыв ладонью рот и не поворачивая лица к наглому негодяю, хрипло спросил Бубенцов.

— Долго рассказывать, — беспечно сказал тот, роясь вилкой в блюде с овощами. — Да вы и не поверите. История в своём роде уникальная.

— В двух словах, — попросил Бубенцов, клонясь ухом, томимый сутолокой догадок. — Как же ты с этим в ресторан впёрся? Опасно же.

— Все мы смертны, — уклончиво ответил гадёныш и тоскливо усмехнулся. — Сами намедни остроумно заметили, что всех когда-либо сгонят с квартиры. Вперёд ногами. Когда долг накопится, а платить-то будет нечем.

— Ты мне дешёвой философией мозги не отвлекай! Гад!.. — строго прикрикнул Бубенцов. — От тебя ждут ответа по существу.

— Теперь вы можете заплатить за вашу квартиру. Лет на триста вперёд, — как будто не слыша его, гнул своё негодяй. — Вплоть до скончания ваших земных сроков.

Ерошка почуял сердцем, что находится совсем рядышком с коварным, хитрым духом. Противник тоже как будто почувствовал неладное, метнул из-под насупленных бровей острый взгляд.

Вероятно, найдутся люди, которые попытаются объяснить странность поведения Бубенцова действием выпитого алкоголя. Все эти перепады настроения, озарения и прочее. Это не так. Забавный психологический феномен, который всё это время наблюдал сам Бубенцов, видя себя как бы несколько со стороны, состоял в том, что Ерофей отдавал себе полнейший отчёт в том, что разговаривает он теперь не с человеком. Что перед ним сидит в материальном виде, в человеческом образе — инфернальная сила. Проще говоря — чёрт. «Если это не сумасшедший, то кто же? Чёрт, вот кто! Всё-таки это чёрт. Те, кто с ними не встречался, говорят, что их нет, а они есть!..»

Бубенцов мог всякую секунду пощупать своего чёрта пальцами. При всём этом Ерофей, как уже говорилось, в реальность духовного мира не

верил, а если прежде допускал существование чёрта, то только лишь в народной мифологии, в произведениях классической литературы или в воспалённом сознании алкоголика Марата Чарыкова. И вот сейчас, напрямую беседуя с чёртом, видя его перед собою, ощущая его зловонное дыхание, но при этом ни капельки не веря в его объективное существование, Бубенцов из какого-то природного, совершенно нелепого в данной ситуации чувства деликатности старался сделать вид, чтобы этот чёрт ни за что не догадался, что Ерофей в чертей не верит. Ерофей понимал, что визави его чрезвычайно чуток и догадлив. Он боялся, что если его неверие обнаружится, то это может оскорбить, обидеть собеседника. Поэтому надо из приличия притвориться, показать, что он верит в его существование. И не только в этого конкретного чёрта с толстым носом, чёрными зубами, но вообще в чертей и в ад. Ерофей тактично делал вид, что черти — это нормально, в порядке вещей. Ведь на том же Западе чёрт давно уже вполне обыденное явление, наравне с венчанием педерастов или кормлением голубей у фонтана, на которое порядочный человек и внимания-то не обратит.

— А ну-ка, колись, нечистый! — грозно сказал Бубенцов и привстал с места, сжимая в кулаке вилку. — Откуда ты взял это? Извращенец!..

— После, после, — отмахнулся захмелевший шут. — После, я сказал! Всё под контролем.

Склонил голову, громко икнул, пьяно подмигнул Бубенцову. Бубенцов вдруг утратил всю свою решимость, безвольно опустился на место. Сидел, оглушённый, наблюдая за тем, как паскудник хозяйничал за столом. Тот накладывал на хлеб колбасу, стелил сверху лист салата. Оглянулся по сторонам, извлёк из внутреннего кармана плоскую фляжку коньяка. Снова подмигнул Бубенцову, запрокинул голову и жадно, мощно, так, что втягивались щёки, высосал содержимое. Быстро-быстро стал жевать, постукивая лошадиными зубами.

— Нет, ты объясни, подлюка! — потребовал Бубенцов. — Что за фигня такая? Что за подстава?

— Всё под контролем, — упрямо повторил наглец.

Было совершенно очевидно, что ничего у него не под контролем. Что этот хмельной, безответственный тип...

— Нельзя же вот так! — просвистел Бубенцов. — Светиться. Убить могут! Это же всё равно что бомба под столом. Я глядеть туда боюсь. Она же тикает там!

— Понимаю, — тихо сказал негодяй, кивая в сторону соседских столиков. Вздёрнул верхнюю губу, и крупные, выставленные вперёд зубы его оскалились до самых дёсен. У Бубенцова снова оборвалось сердце, мороз пронял до ногтей, сами собой пошевелились волосы на голове от этой невозможной, невыносимой улыбки.

— Понимаю ваши тревоги, — повторил гадёныш, пододвигая свой стул вплотную к Бубенцову. Приплёвывая в самое ухо, горячо зашептал: — Тридцать килограмм денег. Два пуда наличных!

Проговорив это, отодвинулся, сел ровно. Снова превратился в совершенно нормального, серьёзного собеседника.

— Я понимаю, что вас несколько смущает будничность происходящего. Обычно всякие великие богатства и сокровища связываются с заповедными кладами, хозяйками Медной горы, сюжетами Монте-Кристо. Для человека небогатого получение нескольких миллионов является делом неординарным. В нашей же среде это обыкновеннейшая, скучная рутина. Ежесекундно в мире большого капитала перемещаются гигантские суммы нажатием одной клавиши. Ваши миллионы, уважаемый Ерофей Тимофее-

вич, это даже не вес мухи и даже не вес крыла её. Пар! Пар от дыхания, который был и рассеялся, простите за сравнения.

— Пар от дыхания мухи?

Раскатистый женский смех донёсся из дальнего угла ресторана. Смех этот живо напомнил Бубенцову лай ведьмы, если её, к примеру, неожиданно сбрызнуть святой водою. Чёрт же, ни на что не обращая внимания, вытащил засаленную записную книжку, открыл её наугад, нашёл свободный от записей угол, ткнул пальцем:

— Вот здесь поставить вашу подпись. Мне формально, для отчёта.

— Нет! — отшатнулся Бубенцов, выставляя вперёд длань, как алкоголик, отказывающийся от рюмки на известном советском плакате.

— Я же не кровью из вены прошу расписаться.

— Нет! — ещё твёрже промычал Ерофей, не разжимая губ.

— От подписи отказался, — добродушно проворчал искуситель, захлопывая книжку. — В прежние времена охотнее расписывались. А теперь унесите это от греха. Смелее, прошу вас! Деньги любят крепкую, уверенную лапу! В этом они, к сожалению, подобны ветреным женщинам. У них капризный, переменчивый нрав.

Ногой подпихнул сумку в направлении Бубенцова.

— Нет! — закричал Бубенцов, вскакивая. — На них... Кровь!

— А-а! Вот оно в чём дело! Как это я сразу не сообразил! «Ограбление сбербанка в Сокольниках»! То была шутка. Психологический этюд. Не мог себе отказать. Называется «направить лоха по ложному следу»... Успокойтесь же, наконец! Я, кажется, в пылу спора не представился.

Поднялся, приложил руку к груди, церемонно поклонился. Бубенцов так же медленно опустился на сиденье. Со стороны могло показаться, что они качаются на незримых качелях.

— Моя фамилия Шлягер, — нависая над Ерошкой, застя белый свет, раздельно и веско сказал дьявол. — Адольф Шлягер!

Бубенцов молчал. Задрав голову, с ненавистью и страхом смотрел в близкое, наклонившееся к нему лицо. Собеседник выждал паузу, но, не видя никакой реакции, сел. Вздохнул, вытащил платок, высморкался неторопливо и с достоинством.

— Адольф Шлягер, — повторил он печально. — Это про меня не так давно писали во всех газетах. Умер дядя мой. Вильгельм Бельфегор, остзейский барон. Но оставил не три миллиарда, тут журналисты прилгнули. О чём бишь я? Да... Деньги не приносят счастья. А уж тем паче бессмертия. Увы... Впрочем, вы сами скоро убедитесь.

Бубенцов молчал.

— Ничто так не облегчает душу покойного, — продолжал Адольф Шлягер, — как поданная за него милостыня. Так что не отказывайтесь. Это вам, как человеку нищему, остро нуждающемуся, милостыня от покойного богача. А вы тут нафантазировали. Стыдно!

Всё это произносилось самым скорбным тоном, но таилась под спудом такая явная насмешка, что Бубенцова всего аж передёрнуло.

— Да-да, стыдно и зазорно! — строго повторил демон, заметив это передёргивание. — Но чтобы уж окончательно развеять ваши сомнения...

Тут Шлягер проворно слазил во внутренний карман, вытащил свёрнутую в трубочку бумагу с зелёными разводами, с какой-то даже приклеенной разноцветной канителью и красной кисточкой. Ловко развернул, сунул в безвольную ладонь Бубенцова свиток с золотыми гербовыми печатями:

— Вот. Читайте. Вслух читайте. Прошу вас.

Ерошка дрожащей рукой развернул бумагу.

— «Я, Бубенцов Ерофей Тимофеевич, — тихо и обречённо читал он, точно произносил собственный приговор, — получил в безвозмездный дар... от Шлягера Адольфа...»

Шлягер снова пнул сумку.

«Откуда он? В первый раз меня видит! А фамилию-то знал заранее! Истинный чёрт!..»

Тоскливый стон вырвался из горла Бубенцова.

— Благодарю за соболезнования. Дядя мой, Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд Бельфегор, был бы тронут до глубины души, — кривлялся Шлягер. — Забирайте. На добрые дела. Впрочем, на ваше усмотрение. Можете использовать и во зло. Тут я не вправе ограничивать вашей свободы. Но умоляю, не забывайте ваш сегодняшний спор с достопочтенным Тарасом Поросюком!

Снова налил водки в большой фужер, выпил залпом, запрокинув голову и громко глыкая. Веки его почти сомкнулись, но в тёмном прищуре сверкнули внимательные, умные искры.

Ах, кабы не нужны были Ерошке Бубенцову эти проклятые деньги! Совсем иной разговор был бы у него! Стал бы он так унижаться! Стал бы он позволять ставить над собою такие эксперименты! Но ведь деньги нужны были ему позарез! И именно большие деньги.

6

Бесы всегда стремятся искусить человека тем грехом, который естественно и логично следует из его жизненной ситуации. Сложно описать те несколько десятков самых разноречивых чувств, что кипели, бурлили, перемешивались сейчас в голове и в сердце Бубенцова. Но, несомненно, две из них были сильнейшими — страх смерти и ликующее, лязгающее торжество. Ужас и восторг! Великая радость обладания богатствами, пусть низменная, поганая, болезненная, придавала ему сил и энергии. Древняя страсть, именуемая страстью сребролюбия, глушила все доводы рассудка, отражала резоны логики. Все житейские проблемы, которые терзали его и Веру, разрешались в один миг. Смолкнут навеки наглые голоса, уберут из-под дверей похоронные венки, извлекут наконец-то гвоздь из глаза бедной куклы. А самое-то важное — этих денег с лихвою хватит на то, чтобы приглушить сухой кашель, который весь последний год мучает Веру, избавиться от тлеющего в ней невидимого огня.

Страшный собеседник, сделав своё пакостное дело, уже посвистывал и поминутно всхрапывал, откинувшись на стуле, вытянув ноги в грубых кирзовых башмаках. Тускло мерцали его незрячие, жабьи глаза сквозь полуприкрытые веки. Бубенцов в своей жизни повидал немало алкоголиков. Потому достоверно знал, что этот, который дрыхнет теперь напротив, ничего не будет помнить, когда очнётся. На крайний случай бумага есть для отмазки, гербовая. Ерошка сунул бумагу в сумку. Рука сама собою задержалась внутри. Он поглаживал и осязал подушечками пальцев приятную плотность денежных пачек. А бумага-то очень может пригодиться! Есть чем оправдаться, если предъяву кинут серьёзные люди, начнут разбирать дело по понятиям. «Дар безвозмездный, господа, так и написано, а я чё?.. Ничё!»

Ерошка принял окончательное решение. Впрочем, окончательное решение было принято им ещё в самый первый миг. Но до поры скрывалось под спудом, пряталось на бессознательном уровне. Ясно понимая, что опасный груз следует как можно скорее унести, понадёжнее упрятать, Ерофей Бубенцов подхватил суму, набросил лямки на плечо и поспешил